

А.П. Ярков,
г. Тюмень

О МЕСТЕ ИСЛАМСКОЙ РЕЛИГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. В XVIII веке в пространстве Западной Сибири (где территория современной Курганской области – часть обширнейшей Сибирской губернии) проходили разнонаправленные процессы. Коснулись они и мусульман из ичкинских татар и сафакулевских башкир – органичной части региональной, общероссийской и мировой уммы.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Ислам и государство.

При единичном проникновении мусульман в Восточную Сибирь, в жизни мусульман во всей Северной Азии доминировала коллективная модель экономических, социальных и культурных связей, где индивидуальность мусульманина и личностное восприятие окружающего мира занимали подчинённое место. Касается это и пространства современной Курганской области, в XVIII веке являвшегося частью обширнейшей Сибирской губернии. Более того, ичкинские татары, причисленные к казачеству в силу исторических, природно-средовых, социокультурных причин отличались воинственностью, были востребованы государством при присоединении новых территорий.

Век прошёл для мусульман под знаком зависимости от часто менявшейся политики. Несмотря на укрепление идей Просвещения в губернской столице – Тобольске, насильственное крещение не прекращалось, а правительство и РПЦ всё жестче преследовало мусульман, старообрядцев и «язычников».

Это стало заметнее при Петре I, который стремился укрепить власть и средствами идеологии. Царя к тому принуждали экономические обстоятельства, требовавшие ухода от экстенсивного пути и, соответственно, перевода промыслового населения в разряд оседлого. Это предполагалось осуществить и закрепить на ментальном уровне с помощью христианизации, русификации и перевода в крестьяне – через оседание [1, с. 21; 3, с. 139–157]. Активизировались сторонники Петра среди иерархов и священников РПЦ, усилилось миссионерство, а мусульманам разрешили строить мечети лишь в «дальних местах». Реакция была адекватной: в 1705–1711 годы вспыхнуло очередное «Башкирское» восстание (захватившее и юг региона) с участием духовных лидеров.

Умма осталась консервативной, а часть му-

сульман питала негативное чувство к православию. Об этом свидетельствуют изъятые книги и рукописи с «хулой».

Безусловно, система отношений внутри уммы и за её пределами соответствовала представлениям социума и индивида. Например, статус слугителей ислама и предводителей определялся не имущественным положением (хотя и принималось во внимание), а личной нравственностью и реальными делами. К авторитетным обращались для совета и разрешения споров.

В среде мусульман встречались яркие личности. Им, без сомнения, был «глава чатского духовенства в Томском уезде» Саид, который в не самое благоприятное время обратил в ислам часть эуштинцев. Не менее активен был его сын, также Саид, завершивший дело отца. Авторитет имел и ахунд Тобольска Б. Резепов-Кукмурский, лишённый княжеского титула за сопротивление насильственной христианизации казанских татар. Отправленный в г. Тобольск, он и там занимался пропагандой ислама.

Личностью в умме могли стать редкие люди, облечённые лидерскими качествами (харизмой) и доверием соплеменников. Это те, кого с челобитными отправляли в Тобольск, Томск и Санкт-Петербург, лидеры Крестьянско-казачьих и «Башкирских» восстаний.

Правительство и местные власти стремились получить данные об образе жизни различных общностей, их «законах и обычаях», чтобы организовать систему управления. Как следствие, разрешение конфликтов было отдано на усмотрение старшин. Одновременно ужесточалось наказание за прозелитизм: в губернаторском наказе 1727 года предписано: «...буде кого бесурман какими-нибудь мерами и насильством или обманом русского человека к своей вере принудит и по своей бесурманской вере обрежет, того бесурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия, а кого он русского человека обасурманит и того русского человека отослать к патриарху или иной власти и велеть ему учинить указ по правилам святых апостол и святых отец: того ради как в Сибирской, так и в Казанской и Астраханской губерниях и провинциях под вышеупомянутым страхом подтвердить публичными указами, чтоб впредь татарские абызы в остяцкие и в чувашские и мордовские и прочие бесурманские жилища и юрты для учения махOMETанской веры и обрезывания отнюдь не приходили...» [9].

Новое время отмечено активными этническими процессами под влиянием политических и религиозных факторов. Не все тюркоязычные сибиряки исповедовали ислам, но тюменские татары и бухарцы идентифицировали себя только с мусульманами. В то время фарсоязычные бухарцы в общении постепенно переходили на тюркские языки. А иные бывшие подданные Си-

бирского ханства (вдали от владений Москвы) становились «язычниками» и алтайцами-тубаларами [9]. Они так «возрождали» прежнюю этническую и конфессиональную принадлежность. Но и принадлежность к умме – не препятствие к вражде. Башкиры и казахи, страдая от взаимных нападений, а также набегов калмыков, искали защиты у государства. В тот период оседание поволжских татар было связано не только с миграцией, но и укоренением в Сибири после службы в армии.

Вскоре противником крещения стало само государство, но не по мировоззренческим или политическим причинам, а вследствие материальных потерь. С 1720 года «воспринявших христианскую веру» предписывалось награждать и освобождать «от всяких сборов и податей» на 3 года. Осознав урон от миссионерской деятельности, в 1726 году вышел Указ «О выключке из подушной переписи крестившихся в греко-российскую веру Сибирских ясачных инородцев, и о собирании с них ясаку по-прежнему». Лишь в 1731 году принят Указ о награде крещёных калмыков и татар. Эти льготы подтверждены Синодом, но массового перехода в православие более не наблюдалось [2, с. 72-73, 77, 139, 146].

При сибирских митрополитах Антонии II (Нарожницком) и Сильвестре миссионерская деятельность вновь усилилась. Но, обеспокоенные снижением налоговых поступлений сибирские власти начали протестовать. Попытки обеспечить пользу только для одной стороны (РПЦ) и исключительно средствами насилия, без учёта мнения всех сторон, замешанных в правовых коллизиях, вызвали вал новых Указов, восстанавливавших статус-кво [6, с. 168–170].

Мусульмане встречались с чиновниками лишь по необходимости – для решения вопросов, связанных с исполнением повинностей и фискальными обязанностями. Но фактически они не надеялись на разрешение имущественных споров и реализацию социокультурных, в т. ч. религиозных, потребностей с помощью государства. Поэтому потребность мусульман в овладении русским языком была минимальной: «немногие с нуждою на русский язык переводят» [5, с. 66, 68]. Этот факт можно признать достоверным, но утверждение, что татары «грамматики у себя не имеют, и грамматического учения не знают», можно подвергнуть сомнению. Есть данные о сачара и «сысканных у тобольских татар книжках и письмах... носимых ими татарами на грудях и усмотренных и сысканных у них де в аракинах и шапках писем, отобранных к делу в силе 1731 года Указе и уложении» [8, с. 209–212]. Это говорит не только о репрессивной политике государства по отношению к исламу, но и сохранявшейся у сибирских мусульман грамотности (хотя и не повсеместной) и тяге к знаниям.

Притеснения усилились, когда в 1747 году

вышел Указ Сената «О не переводе живущих в Сибирской Губернии иноверцев в другие места, и о позволении им построить расстоянием от каждого в полуверсте по одной мечети» [7, с. 775-776].

Синод принимал во внимание жалобы православной епархии на мусульман: была создана Следственная комиссия. Ей предписали выяснить всё о межконфессиональной ситуации. Но она исходила из позиции: «о происходящих от них, татар, на православную христианскую веру поруганиях и прочих предрезостях, а потом по протчем изследовать смотря при том по должности своей и по сущей справедливости накрепко». Кошунством комиссия посчитала не только устное поругание православия, но и то, что бывшие мусульмане, став новокрещёнными, продавали нательные крестики [4, с. 186–188].

Являлись ли реальностью или наветом случаи, когда православные Южного Зауралья принимали ислам, а «малых ребят» якобы «скрадывали и бусурманили», за что «русские люди татар потому-ж побивали», судить трудно. Оценка другого в те времена часто исходила из предопределённых воспитанием и межконфессиональной ситуацией схем, что нередко «давали сбои». Мусульмане также следовали подобным схемам, а в отсутствие иерархии и общепризнанных духовных лидеров из улемов в сибирском исламе различные варианты становились нормой.

Осознав пагубность притеснения неправославных и старообрядцев, Екатерина II постаралась дать законное обоснование религиозной терпимости. В 1762 году, в ответ на просьбу бухарцев «императорское величество всемилостивейше соизволяет на отвод потребных земель и основании местечка или слободы». После строительства селения было разрешено «построить для них мечеть по тому плану и фасаду, который её величеством отобран для построения мечети на линии для киргиз-казаков, на что и сумма потребная по исчислению в свое время ассигнована будет» [10, с. 105, 118, 157, 164].

Однако, позиционируя себя сторонницей либеральных идей, царица защищала внутреннюю политику на присоединенных территориях и в своём «Антидоте» выступила критиком книги Ш. д'Отроша о Сибири. Идейними противниками императрицы были не только ортодоксы или европейские путешественники в лице д'Отроша. Стремясь приобрести на освоенных и присоединяемых территориях союзников, власти ввели статус «мусульманское духовенство», предоставив им льготы.

Восстание под руководством имама Батырши (А. Галиева), затронув и часть населения, проживавшего на территории современной Курганской области, показало, что время репрессий прошло, тогда как авторитет лидеров по-прежнему высок.

Власти охраняли приоритет РПЦ, обеспечивавшей идеологическую прочность государству и стабильность положения православных, контролировали соотношение их и «иноверцев» в городах. Одновременно нужно было сократить размах народных выступлений и поставить под контроль все группы, обладавшие реальным влиянием.

Консерватизм основной части мусульман связан с нараставшей в XVIII веке тенденцией к догматизации, которая привела к кадимизму, отражая очередную попытку переосмысления заповедей пророка Мухаммеда, а также с силой традиционного общества.

В тот век закрепились границы государства в Южной Сибири, как и завершился процесс этнического и конфессионального (через обращение в ислам) самоутверждения «барабинских и части тоболо-иртышских и томских татар, оставшихся до того шаманистами». В дополнение сюда пришли новые группы мусульман из Центральной Азии, сформировав конфессионально-этнографический ареал [11, с. 176].

Появление в 1789 году Оренбургского мусульманского духовного управления не только выстроило систему отношения уммы и государства, но и способствовало укреплению единства мусульман России. В развитии этого «сюжета» на рубеже XVIII-XIX веков под влиянием общемировой и общероссийской модернизации общественной системы среда местных мусульман взрастила череду неординарных личностей – носителей новой этики, внёсших серьёзный вклад в развитие края. Внедрение в сознание иноверцев оценочных подходов к разнообразию мира ещё не стало широко распространённой тенденцией, но их появление стало отражением идей Нового времени, хотя сама умма осталась консервативной.

Список литературы

- 1 Александров В. А. *Русское население Сибири. XVII – XVIII вв.* Москва, 1964.
- 2 Бакиева Г. Т. *Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX вв.).* Москва; Тюмень, 2003.
- 3 Кабузан В. М., Троицкий С. М. *Сибирь периода феодализма. Вып. 1.* Новосибирск, 1962.
- 4 Ключева В. П. *К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (середина XVIII в.) // Тюркские народы: мат. V Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири».* Тобольск; Омск, 2002.
- 5 Огрызко И. И. *Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в.* Ленинград, 1941.
- 6 *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (1730).* Т. X. Санкт-Петербург, 1901.
- 7 *ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. IV. Санкт-Петербург. 1830. №. 1946. Т. XIX. № 13996.*
- 8 Трофимова О. В. *Ведомость Тюменской воеводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2007.*
- 9 Шерстова Л. И. *Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века.* Новосибирск, 2005.

10 Щеглов И. Б. *Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири.* Сургут, 1993.

11 Юзефович Л. А. *«Как в посольских обычаях ведётся...».* Москва, 1988.